

Юлиан Климович

Вот если бы она
умерла

16+

Юлиан Климович

Вот если бы она умерла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66883153

SelfPub; 2021

Аннотация

После трех десятков лет совместной жизни, мужу кажется, что любовь умерла. Хочется перемен. Свежие впечатления оказываются несколько иными, чем представлялось...

Юлиан Климович

Вот если бы она умерла

“Вот если бы она умерла. У нее обнаружился бы, например, рак желудка. Все само собой бы исправилось: она умирает, я свободен, никто никого не бросает. Господи, о чем я думаю? Надо же, какой я скотский идиот. Такие жуткие мысли в голову лезут, что впору стреляться”.

– Что ты так странно смотришь на меня? – жена перевернулась на бок и, подперев рукой голову, внимательно посмотрела мне в глаза. – О чем ты думаешь?

Мы лежали в постели. Воскресное утро летними солнечными лучами сообщало нам о том, что жизнь прекрасна. Было тепло и влажно после ночного дождя. Запах цветущей липы из открытого окна медленно втекал в спальню. Старая липа, заполняя двор нашей четырехэтажки своим чуть сладковатым запахом, тихо шелестела листвой, реагируя на слабые дуновения июньского ветерка, который, лениво играя с ней, то накатывался волной, разнося в стороны аромат цветения, то надолго замирал, как бы притаившись и ожидая, когда липа вновь накопит его в своей листве побольше, чтобы одним несильным рывком в очередной раз обокрасть ее и тут же раздарить все это богатство окружающим.

– Так, ни о чем. – Я отвел глаза в сторону, потом вовсе закрыл их.

В последнее время мне стало сложно смотреть на нее. Лицо, веки, губы, руки, лоб, все как-то незаметно, по чуть-чуть сморщившись и потускнев, вдруг состарилось. В общем, в один не самый прекрасный момент я на мгновение четко осознал, что не узнаю это лицо. Лицо, которое я видел каждое утро на протяжении уже сорока лет, на секунду показалось мне совершенно чужим и неприятным. Мне подумалось: “Вот бы сейчас найти молодую и красивую...”, и в этот самый момент мне неведь откуда пришла эта предательская идея: “Как было бы хорошо, если бы она умерла”. Тут же мысленно отхлестав себя по морде, я открыл глаза, притянул к себе любимую, единственную жену и крепко обнял, одновременно пытаюсь отогнать чудовищную мысль.

– Да что с тобой? – С тревогой отстраняясь, чтобы рассмотреть меня внимательнее, спросила жена.

– Я же сказал: “Ничего”. Не обращай внимания. – Как можно беспечнее ответил я, но получилось неубедительно.

Стало немного легче, но черная мысль, однажды родившись, уже жила самостоятельной жизнью, постоянно выскакивая вперед, нагло раздвигая и разбрасывая специально мной созданные незатейливые мысли-отвлекашки. Поняв, что так с ней не справиться, я начал специально ее крутить, как крутят ключи на пальце, пытаюсь обесмыслить, поставив на реверс. Действительно, через некоторое время мысль эта скукожилась, уменьшилась в объеме, утратив новизну и потеряв свой чудовищный смысл. Пока она опять не начала

мучить, я быстренько зашвырнул ее на периферию сознания, переключившись на рабочие проблемы. Жаль, что однажды рожденную мысль нельзя убить, ее можно только забыть, но может это счастье?

В хлопотах по огороду почти незаметно пробежал месяц. Летом и осенью, да и зимой тоже, мы с него по большому счету только и кормились. Наш небольшой участок в четыре сотки находился в десяти минутах ходьбы от дома на окраине городка, рядом с кладбищем, среди нескольких десятков таких же маленьких огородиков, на которых кроме летнего водопровода никаких других благ цивилизации не было. Дачных домиков здесь никто не строил, не на всяком участке имелся сарай для хранения садового инструмента, некоторые каждый раз приносили все из дома, даже шланги для полива. Начало и середина лета выдались жаркими и сухими, поэтому приходилось каждый вечер после работы ходить и поливать огород. Воду с маленькой водокачки, кособоко притулившейся на берегу неширокой речушки, витиевато пробегающей мимо кладбища, подавали раз в день на два часа: с шести до восьми вечера. Ее серые от старости дощатые стены, зеленая, поросшая мхом, шиферная крыша с маленькой ржавой электрической мачтой и двумя протянутыми к ней проводами, как пуповиной соединяющие с городом, являли собой весьма потрепанный арьергард отступающей отовсюду цивилизации, который, тем не менее, еще функционировал. До семи надо было успеть полить грядки

и все, что росло в парнике, таская старой, уже выцветшей до белизны, пластмассовой лейкой теплую воду из двух ржавых железных бочек, потом наполнить их и уже из шланга полить весело зеленеющие рядки картошки. На участок мы приходили порознь: я сразу с работы, а жена из дома. Она успевала после работы забежать в квартиру и переодеться в старенький цветастый сарафан, гордо называемый “дачный”. Пока я носился с лейкой по отсыпанным опилками дорожкам, каждый раз чертыхаясь, когда вода попадала мне на ботинки, она собирала в жестяную банку из-под тушенки колорадских жуков, которых мы потом в ней же и сжигали.

– Ты бы туфли снял, переобулся, я тебе старые принесла, – сказала жена, наливая в жестянку керосин из мутной пластиковой бутылки.

При сборе жуков на дне банки обязательно должно быть немного керосина, от которого они дуреют и не разбегаются. Кроме того, банку надо периодически встряхивать, перемешивая их с керосином. Это самая хорошая экологически чистая технология борьбы с колорадским жуком, если, конечно, у вас есть на это время. У нас времени хватало, даже немного оставалось на неторопливые разговоры на лавочке под большой черемухой, росшей по границе между нашим и соседским участком.

Как всегда после поливки, прежде чем идти домой, мы сели на лавочку отдохнуть. В последнее время мне эти посиделки были в тягость. Чувство вины от воспоминания про

страшную черную мысль жестоко мучило меня. Я начал избегать смотреть на жену и вообще оставаться с ней наедине, стал чаще ходить на рыбалку или к мужикам в гаражи. Она, от всего этого поначалу сильно загрустив, осунулась и посерела. Даже периодические разговоры с дочкой по телефону, которая уже давно жила в областном центре, не помогали ей, возвращая к жизни на час-два. Но пару недель назад жена тоже стала уходить по вечерам к своим подружкам, которые жили в соседних подъездах небольшого двухэтажного сталинского дома через улицу от нас. Для меня это стало подарком, я тут же засел за недоделанный макет железной дороги. Запыленный, он фанерно-картонной, пока бесформенной, грудой развалился на старом круглом столе, вплотную придвинутом к большому окну в зале. С облегчением бросив походы в гаражи, уже предчувствуя удовольствие, я с головой ушел в работу. В гаражи, если честно, я ходил через силу, мне постоянно приходилось отказываться от дежурного стакана водки и, тем самым, каждый раз вызывать бурную реакцию негодования. Нет, в нашей половине городе любая собака знает, что я пью только по праздникам, ведь я здесь родился и вырос, но традиция мужского общения предусматривает жесткое соблюдение правил, главное из которых гласит: душевности без водки не бывает, а гаражи у нас – это место духовного общения.

Случилось это во вторник. Накануне два дня шел долгожданный дождь, поэтому на огород мы не ходили. В поне-

дельник, придя с работы и поужинав в одиночестве, я сел за макет. Жена позвонила ближе к десяти вечера и сказала, что останется ночевать у подруги, там ей что-то надо помочь дошить. Раньше она никогда не ночевала у подруг. Городок наш можно за полчаса обойти кругом, поэтому у нас не принято оставаться ночевать в гостях. Но никаких подозрений, кроме легкого недоумения у меня это не вызвало. Я положил трубку и опять засел работать над своей железной дорогой.

Следующим вечером, вернувшись с работы, я обнаружил на кухне жену с обеими ее лучшими подругами. Весь день на небе не было ни облачка, от земли сильно парило. Из-за влажной жары есть совсем не хотелось, поэтому, налив себе большую кружку крепкого чая, я сел играть с ними в лото. Мы иногда так делали по вечерам, когда, возвращаясь со своего садового участка, встречали их по дороге. Почти у всего города были огороды, поэтому мы часто встречались идя туда или оттуда. В этот раз они были нарядно одеты, что говорило о том, что встретились они здесь. Жена почти не смотрела на меня, избегая моего взгляда. Номера выкрикивала одна из подруг. Сев рядом и перекинувшись парой слов с женой, я тут же почувствовал какой-то подвох. Вся обстановка говорила о нездоровой напряженности и искусственности, разлитой во влажном воздухе. Солнце клонилось к горизонту, старая липа своей густой кроной закрывала его от нас, только редким лучикам позволяя прорваться и маленьким дрожащим пятнышком немного пожить на стене.

На кухне сгущались сумерки, но свет жена не зажигала. Ее подруги, искоса поглядывая то на меня, то на нее, внимательно следили за нами. Создавалось впечатление спектакля, где главным действующим лицом был я. Какую роль мне отвели в этом представлении, я не понимал. Настенные часы почему-то стали громко тикать. Я поймал себя на том, что весь напрягся, ожидая чего-то нехорошего. Когда очередь выкрикивать перешла к жене, она занервничала, но подруги подбодрили ее, и одновременно посмотрев на меня, как бы проверяя мою реакцию, уткнулись в свои карточки. Она долго шарила в мешке, выбирая бочонок, затем, наконец, достала и с незнакомой мне интонацией произнесла: “Шестьдесят шесть”. Вдруг я все сразу понял – это не моя жена.

Волосы у меня на голове зашевелились от ужаса. Сдерживая себя, чтобы не закричать, я повернулся всем корпусом к ней и спросил: “Вы кто?” Одна из подруг со словами “блин, он все понял”, хлопнула руками по столу, другая шикнула на нее и сделала страшные глаза.

– Кто она? – задал я вопрос уже подругам, поскольку жена, или вернее женщина, совершенно похожая на мою жену, упорно молчала, потупив взгляд.

– Она твоя жена, – ответила одна, которая шикала.

– Ерунду не говори. Это абсолютно чужой человек.

– У нее есть все родинки и шрамики, можешь проверить.

Я осторожно взял левую руку моей псевдо-жены и посмотрел на ладонь. Рука оказалась теплой. Ровно посередине, там

где и всегда, пересекая линию ума и жизни, белел серповидный шрам. Этот шрам у нее появился летом, после окончания седьмого класса, когда она упала с велосипеда. Мы тогда большой гурьбой ехали кататься на речку. Ее на рамке “Урала” вез старшекласник. Переднее колесо попало в ямку, и они перевернулись. Падая, она рукой наткнулась на какой-то штырь и распорол ладонь. Именно я тогда, оторвав рукав своей рубашки, перевязал ее и плачущую отвел в наш городской травмпункт. Именно я тогда первый влюбился в нее, а она уже чуть позже полюбила меня.

Внезапное осознание того, что передо мной живое тело жены, снова вызвало ужас, отчаяние, отрицание, уверенность в абсурдности ситуации, но через несколько секунд, задавив, заслонив собой все остальное, мной овладело огромное чувство потери, потери безвозвратной, неисправимой. Оно поразило меня, обездвижело, лишило будущего. Мне со всей очевидностью стало понятно, что, несмотря на некоторую усталость от долгой совместной жизни и массу накопившихся мелких взаимных претензий, роднее и понятнее человека на земле для меня не существовало. Женщина, сидящая рядом, сразу превратилась в моих глазах в нечто противоестественное и страшное, наподобие живого мертвеца из фильмов про зомби или ожившую куклу.

Солнце почти село, в комнате совершенно сгустились сумерки. Все молчали. За окном весело стрекотали кузнечики, пели птицы, а соседка с четвертого этажа, выйдя на балкон,

ругалась на сынишку, который ни за что не хотел покидать песочницу и идти на ужин, хотя все его друзья уже давно разбежались по домам. Мне стало невыносимо одиноко. Я резко встал и включил свет. Машинально про себя отметил, что Варины подруги не отбрасывают тени.

– Что с моей Варей?

– Она живет у меня дома, в моем теле, – шепотом ответила неВаря.

– Мы нашли старуху, здесь недалеко от города, она оказалась сильной ведьмой. Вчера мы ходили к ней. Она поколдовала и вот, поменяла их телами, – успокаивающе пояснила подруга, у которой якобы ночевала Варя.

Вторая подружка, трясущимися руками налила себе чаю, и, расплескав половину, проглотила остатки залпом. Первая продолжила:

– Варя страдала от твоего безразличия и решила тебя приворожить, но ведьма сказала, что лучше ей самой отдохнуть от тебя, и предложила вариант с обменом телами. Варя согласилась, ей понравилась перспектива пожить немного в молодом теле, набраться новых впечатлений, ну и все такое.

Мой разум отказывался верить в этот бред, но факт оставался фактом, передо мной сидела другая женщина с телом Вари, а ее подружки не только не отбрасывали тени, но и не отражались в почерневшем оконном стекле, на которое с обратной стороны плотно навалилась зловещая ночь.

– А почему ты согласилась на это? – Обратился я к неВаре.

Она немного замялась и за нее ответила вторая Варина подруга, молчавшая до этого.

– Я нашла ее. Это девочка из соседнего дома. Она сама согласилась на эту операцию. Конечно, в плане возраста она уже не девочка, ей набежало уже двадцать пять, но отсутствие мужиков и бесцветная, бесперспективная жизнь библиотекаря при нашем городском ДК, любую заставят согласиться. Я же видела, что она уже приготовилась к медленной и долгой встрече со старостью, все наряды “прощай молодость”, ноль косметики, вздрагивание от любого мужского взгляда. Она у нас красивая, но от природы застенчивая и неуверенная в себе, вот мы и решили помочь ей научиться обходиться с мужиками, поднабраться с тобой опыта, так сказать, но ты сразу все испортил! – Лицо ее исказилось, глаза налились злобой, ногти удлинились и стали острыми.

Тут я проснулся. Холодная испарина покрывала мой лоб, сердце бешено колотилось.

– Фу, – я с облегчением вытер лоб рукой.

Огромная полная луна висела над старой липой. Ее холодный белый свет освещал комнату и Варину спину. Было тихо, за окном в свете луны почему-то неслышно плясали комары, безуспешно пытаясь проникнуть в комнату. Варя, по пояс укрытая простыней, сладко спала, уткнув лицо в подушку. Ее волосы красиво разметались по подушке и плечам, слегка прикрывая манящую наготу.

– Странно, – подумалось мне, – она никогда не спала на

ЖИВОТЕ.